

ловнях, карабкались по отвесной плоскости, преодолевали щели и тесные проходы («каменные трубы»), с опасностью для жизни ползли по узким карнизам? Те, кому посчастливилось побывать в менее затронутых туристским бумом подземных лабиринтах Арьежа (по сравнению с «благоустроенными» пещерами Дордони), не могут понять, какая необходимость заставляла палеолитических охотников брать с собою малых детей: незабываемо впечатление от четко отпечатавшихся в глине крошечных детских ступней на невысоком уступе в пещере Тюк д'Одубер в непосредственной близости от следов лап пещерного льва на полу.

А какой разительный контраст между шедеврами палеолита как в наскальном искусстве, так и в искусстве малых форм во всех технических его проявлениях (скульптуре, барельефе, гравюре) со знаковыми изображениями мезолита (раскрашенные гальки азиля) и схематическими фигурками неолита; характер творческого отражения мира ошутимо меняется. Изображения переносятся на открытые скальные плоскости Испанского Леванта, Северной Африки, Кавказа и других областей; появляются связанные сцены, живописующие охоту, быт, магические акты. И может быть, не так уж неправ А. Леруа-Гуран, отстаивающий тезис об уникальности палеолитического искусства. Но это уже другой вопрос, выходящий за рамки рассматриваемого труда, который, как отмечалось, фундаментален и обоснован во всех своих звеньях.

Можно было бы оспаривать некоторые отдельные и в целом малосущественные для общей темы положения, например интерпретацию амвросиевского костыля (с. 177), характеристику «Демона» из Ла Ферраси (с. 82), не подтвержденную новейшими исследованиями Ж. и Б. Деллюк; трактовку скелетов оленей из Мейендорфа и Штельмоора (с. 205), взятое на веру «искусство» из Сокчанны (Сокдяни) (с. 30, 32) и т. д. Можно было бы сказать, что применение неожиданных эпитетов в некоторых (чрезвычайно редких) случаях приводит к сложным, с трудом воспринимаемым конструкциям. Но все это незначительные погрешности на фоне общей фундаментальности книги.

Результат проделанной огромной работы налицо: А. Д. Столяру удалось создать связную систему, в которой разрозненные факты получили исчерпывающее и убедительное истолкование. Из блестящей догадки о роли «натурального макета» в возникновении изобразительного творчества выросла логически стройная, всесторонне обоснованная теория генезиса творческого сознания. Работа поднимает принципиальные в идеологическом плане вопросы, в частности приведены существенные доводы в пользу специфического конкретного воздействия труда на интеллект.

Основной смысл книги, как представляется, заключен в выявлении глубоких, до недавнего времени неразличимых корней зарождения творческой деятельности и определении трех ступеней развития творчества: 1) «натуральное творчество», нижнего палеолита; 2) «натуральный макет» как переходная форма к анималистической скульптуре и 3) «глиняный период» как база верхнепалеолитического искусства.

По прочтении монографии А. Д. Столяра испытываешь глубокую благодарность к автору, взявшему на себя, казалось бы, непосильный на современном этапе знаний труд, сделавшему серьезнейший вклад в мировую литературу по палеолитическому искусству. Нельзя не отметить и заслуги издательства «Искусство», оценившего методологическую актуальность книги А. Д. Столяра и фундаментальность проблемы и осуществившего издание труда определенно приоритетного значения на высоком уровне полиграфической культуры.

З. А. Абрамова

НАРОДЫ СССР

Народы Поволжья и Приуралья (Историко-этнографические очерки). М., 1985. 308 с.

Рецензируемая книга посвящена историко-этнографической характеристике девяти неславянских народов, расселенных на обширной территории востока Европейской части СССР. Это коми (зыряне) и коми-пермяки (таежная и тундровая зоны Европейского Севера); татары, чуваша, башкиры, марийцы, удмурты и мордва (лесостепная полоса Среднего Поволжья и Приуралья), калмыки (степи Нижнего Поволжья и Предкавказья).

В работе объяснены этнонимы, показано современное расселение и численность народов, охарактеризованы их антропологические и языковые особенности, приведены сведения по археологии, освещены вопросы этногенеза, этнической и социально-политической истории, дана характеристика традиционных способов ведения хозяйства и орудий труда, материальной и духовной культуры.

Значительное внимание уделено особенностям быта исследуемых народов, приведены данные о семье и семейной обрядности, освещены этнодемографические процессы и современное культурно-бытовое развитие народов Поволжья и Приуралья. Каждый очерк заканчивается характеристикой вклада, который они вносят в общесоветскую культуру.

Подобная работа предпринята не впервые. Историко-этнографическое описание упомянутых народов дано в многотомном издании серии «Народы мира»¹, а также в многочисленных специальных монографиях, посвященных тому или иному народу или

¹ Народы Европейской части СССР (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1964. Т. 2.

отдельным элементам материальной и духовной культуры. Однако со времени издания серии «Народы мира» прошло более 20 лет, а отдельные монографии, выпущенные, как правило, небольшими тиражами, мало доступны широкому кругу читателей. Поэтому выход в свет рецензируемой книги очень своевременен. Она нужна не только специалистам — этнографам и историкам, но и советским и партийным работникам, деятельность которых связана с осуществлением национальной политики, а решение многих ее вопросов невозможно без знания этногенеза и этнической истории народов, их традиционной материальной и духовной культуры, а также направленности этнических и культурно-бытовых процессов в современных условиях.

Все очерки написаны по одному плану; это дает возможность проводить сравнения, позволяет судить об интенсиности межнациональных процессов, уровне развития современной национальной культуры и в целом — о вкладе того или иного народа в общесоветскую культуру.

Очень важен прилагаемый в конце книги список литературы по культуре и быту народов Поволжья и Приуралья.

Очерки написаны известными специалистами, использовавшими новейшие материалы, собранные экспедициями и отдельными исследователями.

Материал в очерках изложен так, что он, несомненно, заинтересует широкие слои читателей. Вместе с тем анализ отдельных вопросов археологии, этнической истории, антропологии и языка, некоторых специальных характеристик материальной и духовной культуры рассчитан только на специалистов.

Весьма обстоятельно, на уровне современных представлений рассмотрена проблема этногенеза и этнической истории марийского народа. На основании археологических данных показано расселение на рассматриваемой территории (начиная с 4—3 тысячелетия до н. э.) племен, вошедших позднее в состав марийского народа; рассказано и о тесных контактах марийцев на всем протяжении их этнической истории с западными и восточными финно-угорскими племенами и народами, а также с тюркоязычными соседями — татарами и чувашами.

Очень кратко и вместе с тем научно обоснованно изложен сложный процесс формирования и развития татарского народа, в состав которого вошли финно-угорские племена — аборигенное население лесной зоны Волго-Уралья, древние тюрки (их появление на Волге, по последним данным, датируется II—IV вв. н. э.), а также булгары, проникшие на Волгу на рубеже IX—X вв. Отмечено влияние на сложение татарского народа монголо-татар, пришедших в край в XIII в. и интенсивно воздействовавших на миграционные процессы, которые в конечном итоге привели к образованию различных этнографических групп татар, а также способствовали усилению контактов поволжских татар с различными степными тюркоязычными племенами.

Читатели очерков получают достаточно полное представление о традиционной материальной и духовной культуре описываемых народов — традиционных типах поселений, усадеб и жилищ, одежды, украшений, народном прикладном искусстве и других элементах культуры и быта, в которых отражена сложная этническая история народов Волго-Уралья.

Значительное место в рецензируемой книге уделено анализу современных культурно-бытовых процессов. На примере описываемых народов показано широкое использование лучших традиций народного прикладного искусства в городской и сельской архитектуре, промышленной эстетике, полиграфии и дальнейшее развитие народного устно-поэтического и музыкального творчества, а также создание новой семейной и общественной обрядности, новых традиций и обычаев и т. д. и т. п.

Хорошо показаны в работе межэтнические контакты, с давних пор характерные для описываемых народов. Удмурты, например, поддерживали наиболее интенсивные контакты с башкирами, марийцами, коми, татарами. В многосторонних межэтнических связях с башкирами участвовали чувашы, марийцы, мордва, удмурты. Не случайно своеобразная одежда бесермян имела аналоги в костюме татар-мишарей и чувашей; в культуре татар и особенно чувашей отмечены марийские черты; в свою очередь марийцы восприняли от тюркских народов многочисленные языковые (особенно лексические) и культурно-бытовые элементы. Особенно широки, как показано в работе, современные культурно-бытовые взаимовлияния, охватывающие все стороны жизни и быта народов Поволжья и Приуралья. Лучшие образцы народного прикладного искусства татар, чувашей, марийцев, мордвы и других народов широко применяются для украшения современной одежды, утвари, предметов домашнего обихода, которые пользуются большим спросом у населения всех республик и поставляются на всесоюзный рынок. Сближение национальных культур особенно четко просматривается в области профессионального искусства и литературы. Лучшие образцы национальной культуры, как традиционной, обогащенной новым содержанием, так и профессиональной, становятся общим достоянием, органически включаются в общесоветскую культуру. Достаточно сказать, что произведения писателей и поэтов Башкирии переведены на 54 языка народов СССР и 19 иностранных языков. В целом изложенный в работе материал свидетельствует, что все народы Поволжья и Приуралья развиваются как органическая часть единого советского народа.

Отмечая несомненные достоинства книги, значительный фактический материал, положенный в ее основу, четкость изложения порою весьма сложных вопросов этнической истории и современных этносоциальных процессов, следует отметить, на наш взгляд, и некоторые ее недостатки. Прежде всего вызывает возражение включение народов коми (зырян), коми-пермяков и калмыков в Волго-Уральский регион.

Языковое сходство народов коми и давнее культурное родство с удмуртами вряд ли дает основания рассматривать их в рамках народов Волго-Уральского региона. Их

целесообразнее отнести, как это и принято в науке, к народам севера европейской части нашей страны, живущим в особых природно-географических условиях и отличающимися историей формирования и этнического развития.

Тем более нет оснований включать в группу народов рассматриваемого региона калмыков, отличающихся от них и происхождением, и языком,* и антропологическими, и культурно-бытовыми особенностями.

Вместе с тем совершенно необоснованно исключено из рассмотрения русское население — основной этнический компонент Волго-Уральской историко-этнографической области (далее ИЭО). К Волго-Уральской ИЭО относят три тюркских (татары, башкиры и чувашки) и три финно-угорских народа (марийцы, удмурты, мордва). Этнографические взаимодействия и взаимовлияния этих народов на протяжении длительного времени были постоянными и глубокими. В работе убедительно показаны основные этапы формирования и развития общности этих народов начиная с 3—2 тысячелетия до н. э., т. е. с момента возникновения здесь прибалтийско-финско-уральской неолитической общности. За длительный исторический период этнический состав проживающих здесь народов неоднократно менялся, как и границы территории их проживания. Это было связано главным образом с миграционными процессами, образованием крупных государственных объединений, которые способствовали установлению экономических и культурных связей между народами. В настоящем виде Волго-Уральская ИЭО стала складываться с середины XVI в., т. е. с момента включения края в состав Русского централизованного государства и прихода сюда огромной массы русских переселенцев. Образование многочисленных сел и деревень с русским населением способствовало дисперсности в расселении аборигенных народов, усилило контакты между ними, что в конечном итоге привело к выработке общих хозяйственных и культурно-бытовых черт у всех народов Волго-Уральской ИЭО. При сохранении существенного значения взаимодействия между коренными этносами основным этническим партнером коренных народов в рамках Волго-Уральской ИЭО стало местное русское население. Это в равной мере относится как к прошлому, так и к современности, ибо в каждой автономной республике Поволжья и Приуралья доля русского населения составляет от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$, что, несомненно, имеет большое значение для осуществления культурно-бытовых взаимодействий. Тезис о культурно-бытовых взаимодействиях народов Поволжья и Приуралья и русских красной нитью проходит во всех очерках о народах Волго-Уральской ИЭО. Так, Л. С. Христолюбова пишет о благотворном воздействии русского народа на удмуртов, у которых благодаря русским стали распространяться более прогрессивные формы и методы хозяйствования. Обновление сельскохозяйственного инструментария, зачатки грамотности также связаны с влиянием русских. То же отмечает и В. А. Балашов в очерке о мордве, говоря о прогрессивном значении присоединения края к Русскому государству. Но влияние, как известно, было взаимным. Русские также воспринимали от местного населения различные формы хозяйствования, ряд элементов материальной и духовной культуры.

За длительный исторический период на территории Волго-Уралья сложилась особая группа русских, значительно отличающихся от русского этноса в коренных местах его расселения. Поэтому в книге было бы целесообразно охарактеризовать и русское население Поволжья и Приуралья, являющееся органической частью Волго-Уральской ИЭО.

В работе, на наш взгляд, недостаточно равномерно показаны процессы изменения отдельных культурно-бытовых элементов в настоящее время. В очерке о мордве, например, не ясно, по какому пути идет развитие современного сельского жилища (с. 120). Думается, что эти процессы могли бы быть освещены подробнее с привлечением статистического материала, тем более что он имеется в распоряжении автора.

В очерке о татарах вызывает сомнение утверждение, что сейчас «идет процесс укрупнения перспективных селений» (с. 217). Известно, что принятое ранее деление населенных пунктов на перспективные и неперспективные было проведено необоснованно. Осуществленные на практике мероприятия по ликвидации так называемых малых, «неперспективных» селений и слиянию их с крупными нанесли немалый экономический и моральный ущерб.

На с. 93 читаем: «Чем более развитыми являются социально-экономические отношения, тем больше в данном населенном пункте семей национально-смешанного состава, ниже детность, больше молодых семей, проще состав семьи, меньше средний размер семьи и меньше пожилых одиночек». Хотелось бы, во-первых, чтобы это утверждение было подкреплено конкретными статистическими данными, а во-вторых, высказано авторское отношение к этим явлениям и показана тенденция их дальнейшего развития.

На с. 278 утверждается, что ведущей этнодемографической тенденцией последних десятилетий можно считать стабилизацию основного ядра калмыцкой нации в политико-административных границах Калмыцкой АССР. Однако как в рамках республики, так и за ее пределами происходит активный контакт калмыков с другими нациями и народностями СССР, иногда приводящий к частичной взаимной ассимиляции. Остается не ясным, в каком направлении идет этот процесс, сохраняется ли численность контактирующих групп.

Таковы мои замечания. Некоторые из них, по-видимому, являются неизбежным следствием краткости изложения весьма сложного материала.

В целом выход книги следует приветствовать и пожелать авторам издания новой книги, посвященной специально современным этническим и культурно-бытовым процессам у народов Волго-Уральской ИЭО.

Е. П. Бусыгин